

Как жили в блокаду. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

Как жили в блокаду. Даниил Александрович Гранин

Мог бы написать, как они жили, мог бы, как мы жили. Блокадный город был рядом, из окопов без бинокля был виден силуэт города, распластанный по горизонту. Когда его бомбили, у нас в Шушарах земля чуть вздрагивала. Мы видели, как поднимались каждый день черные столбы пожаров. Над нами, мягко шелестя, неслись в город снаряды, а потом плыли бомбардировщики. Нам в окопах жилось тоже не сладко, жизнь там в среднем измерялась неделями-другой. Было голодно. Мороз был тоже общий, что у нас, что в городе $-30-35^{\circ}\text{C}$, и все же грех было сравнивать с ленинградской бедой.

Блокада состояла не только из голода; по-настоящему понять быт блокадной жизни я сумел много позже, когда мы с Адамовичем работали над «Блокадной книгой». Мы записывали рассказ за рассказом, 200 рассказов, примерно 6000 страниц. Затем мы стали отбирать то, что годилось для книги, и то, что не годилось; большая часть, конечно, не уместилась, это были подробности повседневной жизни, которые казались нам очевидными. Много позже я стал понимать, что не все сводилось к голоду, к обстрелу. На самом деле блокада состояла из многих лишений. Жизнь разваливалась не сразу, но непоправимо, мы плохо представляем себе размеры и нарастающий ужас той катастрофы.

ВОДА

Ее не стало. Некоторое время еще работали колонки, была вода в прачечных. Потом все замерзло – краны на кухне, в ванной уже даже не сипели, превратились в воспоминание. Ходили за снегом, снега было много, но его надо было растопить, а как? На животе? Отопления уже нет. На буржуйке? Ее раздобыть надо.

Кое-где в квартирах сохранялись плиты, а то и печи. Но чем их топить? Где дрова? Какие были, быстро растащили, сожгли. Власти выделяли в районах деревянные дома, разрешали их разбирать на дрова. Легко сказать «разбирать»: ломами, пилами – работа непосильная для голодных, быстро слабеющих людей. Легче было у себя в комнатах выламывать паркет (там, где он был), еще удобней было топить буржуйки мебелью. Шли в ход стулья, столы, книги для растопки.

На черном рынке буржуйка появилась быстро, покупать надо было за большие деньги, а потом – за хлеб. А что делать, все отдашь. Зима 1941–1942 года, как назло, лютовала: $-30-35^{\circ}\text{C}$. У нас на фронте в землянках тоже пылали буржуйки, тоже шла добыча дров, но согреть шел еще от пяти-шести солдат, что теснились на нарах; а в городской комнате от двух-трех дистрофиков тепла не набрать.

Буржуйка – это не все, к ней нужен, извините, дымоход, то есть трубы; их надо вывести наружу, в форточку, которую как-то приспособить, чтобы в нее натопленное не уходило.

Питер был европейский город; когда в блокаду все его привилегии рухнули, стало ясно, что куда лучше было бы переносить блокаду в старые времена, а еще лучше – в пещерные; первобытная жизнь вдруг предстала комфортной.

В конце марта 1942 года я получил увольнительную и решил навестить нашу квартиру. По дороге я с дотов отломил несколько сосулек, понаслаждался их чистой водой. У Невы женщины добывали воду из проруби. Доставали ее поварешками, рукой было не дотянуться, не зачерпнуть; береговые жители ходили на Неву, на Фонтанку, на Карповку, долбили лед. Наколют лед и несут домой. «Проблема подняться по обледенелой лестнице, дотянуть ведро и не поскользнуться», – жаловалась мне Поля, единственная, кто осталась в живых в нашей большой коммунальной квартире. Я и сам еле забрался по этой загаженной лестнице; она мне помнится во всех подробностях, в желтых ледяных наростах от мочи, и горы мусора, и всюду горы замерзшего кала. Это было открытие для меня, туалеты ведь не работали, все вываливали на лестницу, в лестничный пролет.

Поля этой зимой уже стопила большую часть мебели из всей квартиры. Из моей комнаты – деревянную кровать, книжные полки, стул; я ее никак не упрекнул.

«Цивилизация, – сказала она, – будь она проклята».

СВЕТ

Как жили в блокаду. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
А ведь когда-то горело электричество, лампочки в абажуре в коридоре остались, я пощелкал выключателями, они не отозвались. В первые же бомбежки стали заклеивать окна бумажными крестами. Чтобы сохранить стекла. Потом почему-то кресты эти плохо защищали от бомбежек; постепенно окна зачернели опустелыми рамами. Ударная волна снарядов и бомб в конце концов выбивала стекло; окна принялись завешивать одеялами, коврами, чтобы кое-как защититься от снега и ветра. В комнатах стало совсем темно. Не стало ни утра, ни дня, постоянная тьма. Свет начали добывать коптилками, их мастерили из консервных банок, покупали на рынках, туда заливали керосин; его не стало – добывали масло: лампадное, машинное, трансформаторное, не знаю еще какое... Из ниток – их выдергивали из одежды, скручивали фитиль. Огонек кое-как светил, коптил, над ним можно было руки замерзшие погреть; масло ухитрялись выпросить в церквях, у артиллеристов, а еще, это я после войны узнал, у монтеров «Ленэнерго», они брали его из масляных выключателей, из трансформаторов. И продавали.

В ретроспективе все эти добычи выглядят иначе; не воровали, а выпрашивали, выменивали, добыть свет было так же трудно, как в каменном веке.

Радио молчало, стучал метроном, в какие-то часы передавали последние известия.

ТУАЛЕТ

Все-таки попробуйте представить, что значит жизнь без туалета, как опорожниться? Тащить каждый раз на улицу кастрюлю, мыть ее чем-то – сил нет. Горы отбросов вырастали быстро, закрывали выход из дома; извините, описывать все это в подробностях не сомне *il faut*, но список приличий в блокадном городе сильно сократился; прошел год, еще полгода, как люди обходились без туалетов, уже дальше не знаю; удивительней другое – как огромный город в весну 1942 года избежал эпидемий. В домах лежали непохороненные покойники, лежали в квартирах жертвы голода, морозов, попавшие под снаряды, лежали в подворотнях; я видел мертвецов в заснеженном трамвае, я сам туда зашел укрыться от ветра. Напротив меня сидел совершенно белый пожилой человек без шапки – наверное, кто-то ее взял.

Невероятными усилиями воскресшие люди весной очищали город от трупов, от нечистот; нетронутыми оставались разбомбленные дома, разбитые трамваи.

На Марсовом поле в конце мая появились грядки.

Мои личные воспоминания выцвели, затуманились, смешались с чужими мемуарами.

ГОЛОД

Везут на санках покойника – самая распространенная фотография блокадной поры. Это всем запомнилось. Но умирали не только от голода – снаряды, бомбежка, мороз... Причина смерти была едина: блокада. Зато известно было, сколько снарядов упало, сколько бомб, есть примерные цифры пожаров; нет таких причин, как отчаяние, смерти близких, безнадежность, уныние.

Попробуйте представить себе квартиру, самую обычную, но благоустроенную, где в буфете стоит посуда, тарелки, вилки, ножи; на кухне кастрюли, сковородки – и все это бесполезно, потому что нигде ни крошки еды. Люди живут в привычной обстановке благоустроенной жизни, где висит телефон, стоит самовар, в шкафах кофточки, брюки, утюг, простыни, мясорубка – всюду предметы для еды – и все бесполезно. Жизнь замирала и уходила в обстановке живого благополучия, иногда людям казалось, что естественней гибель в тюремной камере, на лагерных нарах, чем гибель семьи в своей квартире.

Голод сводил с ума, человек постепенно терял все представления, что можно, что нельзя. Он готов жевать кожу ремня, вываривать клей из обоев, варить засохшие цветы.

Раньше меня ужасало людоедство. На войне я понял, что не любовь, а «война и голод» правят миром. На фронте бывали дни, когда мы оставались без еды и день, и два, и три и готовы были жевать хоть свои портянки, чем угодно надо было набить желудок. Блокадникам было тяжелее, им казалось, их голод бессрочный. Сковородка пахла жареным, в хлебнице остался еще слабый запах...

Разговор с Григорием Романовым был коротким: Ленинградская блокада – героическая
Страница 2

Как жили в блокаду. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru эпопея, а вы изображали не подвиг народа, а страдание и ужасы голода, все к этому свели; получается, что вы развенчиваете историю великой заслуги, стойкости людей, как они сумели отстоять город; вам интересно, как люди мучились. Это чуждая нам идеология.

Примерно такую отповедь мы получили в обкоме партии, когда публикация «Блокадной книги» была запрещена. Второй раз то же самое выслушал Иосиф Ефимович Хейфиц, знаменитый кинорежиссер, лауреат всяких премий, когда ему запретили ставить фильм о блокаде по нашей книге.

Между тем в его сценарии были замечательные герои помимо нашего Юры Рябинкина, там действовала молодая девушка, расклейщица афиш в городе; она возникала на улице, расклеивала плакаты, обращения к жителям с призывами держаться, помогать друг другу, расклеивала объявления об организации похорон, о выдаче кипятка; ни снаряды, ни бомбежки не могли убить ее, она воплощала душу этого города, его стойкость.

Для «Блокадной книги» мы с Адамовичем прежде всего искали дневники блокадников – они были дороже, чем личные свидетельства. Блокадники, которых мы записывали, вспоминали свою жизнь спустя тридцать с лишним лет. Особенность любого дневника – достоверность; обычно автор излагает не прошлое, а сегодняшнее, он не столько вспоминает, сколько делится своими воспоминаниями, сообщает новости, рассказывает то, что произошло сегодня.

Большой террор, репрессии отучили питерцев вести дневники. Занятие стало слишком опасным. В блокаду эта естественная потребность вернулась с неожиданной силой, люди почувствовали себя не столько событиями, сколько участниками истории, им захотелось сохранить, записать неповторимость происходящего. Но было еще одно обстоятельство – появилось сокровенное ощущение духовной пищи; удивительно, но дневник помогал выживать. Странное, призрачное чувство; умственная работа, духовное осмысление поддерживало. После публикации «Блокадной книги» нам стали приносить дневники, и чем дальше, тем больше; вдруг оказалось, что, несмотря на все ужасы, страдания, люди записывали себя. Подробности своей жизни, подробности еды.

Вот дневник главного инженера Пятой ГЭС Льва Абрамовича Ходоркова – дневник бесценный именно своими деталями.

26 декабря, наступают самые тяжелые времена блокады, а между тем: «Жданов сказал, что самое тяжелое для Ленинграда позади <...> стоят турбины, из пяти стоят четыре котла, в городе нет топлива, из 95 человек, числящихся по списку, на работу вышли 25, остальные больны, ослабли или умерли».

5 января 1942 года: «Хлебозаводы без энергии, станция работает одним котлом на бойлерную <...> нет дров, население ломает дощатое покрытие витрин».

9 января 1942 года: «Остались без топлива больницы, госпитали, дома, все свозят на электростанции, где можно железной дорогой, где трамваем, где автомашиной, уголь стал для Ленинграда кровью, и этой крови все меньше. Мощности едва хватает на хлебозаводы и некоторые пищевые предприятия».

12 января: «В городе много пожаров от времянок».

14 января: «Окончен монтаж котла под антрацит, нужна ручная заброска. Нет здорового человека, пригодного для этой работы».

Я цитирую лишь отдельные строчки из этого замечательного дневника, который вести было тоже подвигом.

Иногда я вычитывал неизвестные мне подробности. В июне месяце по Неве поплыли трупы красноармейцев, днем и ночью, один за другим, один за другим.

Каждый дневник по-своему осмысливает трагедию города. В каждом дневнике есть талант наблюдательности, понимание того, как драгоценны подробности этой невероятной жизни блокадных людей.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

Как жили в блокаду. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!